

Д.С. Крутилин, канд. социол. наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра Вооруженных Сил Российской Федерации, г. Москва, Россия*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА “ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ”

Krutilin Dmitriy Sergeevich, PhD in sociology, senior research associate of Research center, Russian Armed Forces, Moscow, Russian Federation, e-mail: krutilin_dc@mail.ru

THEORETICAL ASPECTS OF THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE “COLOR REVOLUTIONS” PHENOMENON

Статья посвящена теоретическим вопросам социологического анализа проблем, связанных с демонтажем политических режимов и сменой властных элит в современных государствах (как авторитарного, так и демократического типа) посредством социально-гуманитарных технологий под названием “цветные революции”.

Отмечается, что хотя феномен “цветных революций” уже более десяти лет остается в центре внимания как отечественных, так и зарубежных социологов и политологов, единой синтетической теории в этой области пока не выработалось. “Бархатные революции” в социалистическом лагере, “цветные революции” на постсоветском пространстве, события “Арабской весны” и многие другие явления последних трех десятилетий уже не раз заставляли академическое сообщество переосмысливать тему революций.

В работе определено, что “цветные революции” представляют собой социально-гуманитарные технологии, предусматривающие формирование и регулирование извне протестного потенциала населения в сочетании с политическими, экономическими и другими невоенными мерами воздействия на внутригосударственную стабильность. Подобные технологии широко применяются США и их союзниками в отношении тех государств, в которых они имеют стратегические интересы. При этом конечными целями “цветных революций” являются установление контроля над ресурсной базой развития конкретного социума и решение собственных геополитических задач по ослаблению государств-соперников.

Авторский подход к социологическому анализу рассматриваемого феномена учитывает особенности современных технологий делегитимизации власти — их четкую направленность на заранее вскрытые слабые и уязвимые места конкретного государства. В соответствии с этим в статье сформулирована социологическая концепция оценки современного революционного потенциала, которую целесообразно производить в пяти сферах жизнедеятельности общества — экономической, политической,

* Крутилин Дмитрий Сергеевич, e-mail: krutilin_dc@mail.ru

социальной, духовной и военной безопасности. В каждой из перечисленных сфер необходимо исследовать переменные, характеризующие стабильность функционирования базовых социальных институтов общества.

Исходя из этого, уровень уязвимости социума может определяться состоянием развития экономики страны, социально-политической стабильностью, особенностями ценностно-нормативной системы национальной культуры, которые детерминируют уровень и образ жизни населения, взгляды широких социальных слоев на степень легитимности политической системы.

В данном контексте современная социологическая наука обладает теоретическим и научно-практическим инструментарием для того, чтобы получать объективные знания о социальных причинах, развитии, последствиях и технологиях осуществления “цветных революций” в современном социуме, оценить их социальные риски для России.

Ключевые слова: социологический анализ, “цветные революции”, социальный протест, гражданское неповиновение, безопасность, уязвимость социетальных систем.

The article is devoted to theoretical questions of sociological analysis of problems connected with dismantling political regimes and change of ruling elites in contemporary states (both authoritative, and democratic type) by means of social and humanitarian technologies under the name “color revolutions”.

Though the phenomenon of “color revolutions” has been in the center of attention of both domestic and foreign sociologists and political scientists for more than ten years, the uniform synthetic theory in this area has not been developed yet. “Velvet revolutions” in the socialist camp, “color revolutions” in the post Soviet Union area, events of “the Arab spring” and many other phenomena of the last three decades had more than once forced the academic community to reinterpret the subject of revolutions.

The analysis shows that “color revolutions” represent social and humanitarian technologies which provide formation and regulation from the outside of protest the potential of the population in combination with political, economic and other non-military measures to influence interstate stability. Similar technologies are widely applied by the USA and their allies to those states in which they have strategic interests. Thus ultimate goals of “color revolutions” are to establish control over resource base of development of a certain society and to resolve own geopolitical tasks of weakening rival states.

The author’s approach of the sociological analysis of the considered phenomenon is developed taking into account the features of modern technologies of delegitimization of power their accurate orientation against well before known weak points of a specific state. Therefore the article formulates a sociological concept of assessment of modern revolutionary potential in five spheres of functioning of society: economic, political, social, spiritual and military safety. In each of the listed spheres it is necessary to investigate the variables characterizing stability of functioning of basic social institutes of society.

Proceeding from it, the level of vulnerability of society can be defined by the development of national economy, socio-political stability of society, features of valuable and standard system of national culture which determine the level and way of life of the population, the degree of legitimacy of political system in the view of wide social groups of population.

In this context the modern sociological science has theoretical and science-based practical tools to gain objective knowledge of social reasons, dynamics, consequences and technologies of implementation of “color revolutions” in modern society to estimate their social risks for Russia.

Keywords: *sociological analysis, “color revolutions”, social protest, civil disobedience, safety, vulnerability of societal systems.*

Анализ мировых социально-политических процессов позволяет констатировать, что в современном мире под видом “борьбы” за демократию и свободу с тоталитаризмом начался новый этап “битвы” за мировое политическое и информационное господство, социально-экономические ресурсы.

Происходит обострение международных конфликтов, меняется состав социально-политических сил, принимающих в них участие, появляются новые угрозы, усиливающие внешнее воздействие на внутреннюю стабильность и развитие государств. Одним из действенных инструментов так называемой “мягкой силы”¹, используемых в этих целях, становятся “цветные революции”, подрывающие социальный порядок и политическое устройство государств – противников и конкурентов.

В основе данной системы воздействия на конкретный социум лежат технологии, предусматривающие формирование и регулирование извне протестного потенциала населения в сочетании с политическими, экономическими, гуманитарными и другими невоенными мерами воздействия на внутригосударственную стабильность и социальный порядок в обществе².

По мнению экспертов, подобные технологии широко применяются США и их союзниками в отношении тех государств, в которых они имеют стратегические интересы (например, постсоветское пространство, Латинская Америка, Северная Африка, Ближний Восток и др.) (табл.).

¹ Понятие “мягкая сила” (soft power) впервые ввел в оборот в 1990 г. профессор Гарвардского университета Джозеф Най. По мнению ученого, “мягкая сила” – это умение государства привлекать своей культурой, общественно-политическими ценностями.

² Социальный порядок – система, включающая в себя индивидов, взаимосвязи между ними, привычки, обычаи, способствующие деятельности, необходимой для успешного функционирования этой системы. Подробнее см.: Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 486.

География “цветных революций”

Страны, в которых в ходе “цветных революций” произошла смена политических режимов	Страны, в которых в ходе “цветных революций” смена политических режимов не произошла
Грузия, 2003	Армения, 2008
Египет, 2011	Бахрейн, 2011
Иордания, 2010	Белоруссия, 2005
Йемен, 2011	Джибути, 2011
Киргизия, 2005	Ирак, 2011
Ливан, 2005	Кувейт, 2011
Ливия, 2011	Мавритания, 2011
Молдова, 2009	Марокко, 2010
Сомали, 2011	Оман, 2011
Судан, 2011	Саудовская Аравия, 2011
Тунис, 2010	Сирия, 2011
Украина, 2004, 2014	Узбекистан, 2005

Источник: Герасимов В.В. О роли военной силы в современных конфликтах // Материалы III Московской конференции по международной безопасности / Под ред. А.И. Антонова. М., 2014. С. 16.

Целями социального конструирования условий для “цветных революций” являются, во-первых, установление контроля над ресурсами развития (территория, сырье, народонаселение, экономические и политические институты и технологии, идеологические конструкты) нередко путем устранения действующей политической власти и приведения к ней управляемых прозападных руководителей, а во-вторых, стремление ослабить своих соперников, в том числе региональных лидеров, противодействуя их закреплению в качестве новых центров силы или влиятельных политических игроков.

Для достижения своих интересов США и некоторые страны Запада используют весь комплекс методов дестабилизации внутриполитической обстановки в государствах, системно провоцируя или обостряя в них эндогенные проблемы (социальные, экономические, политические, культурные, межконфессиональные и др.)

и целенаправленно создавая негативные внешнеполитические факторы (дискредитация стран-объектов воздействия, их внешней и внутренней политики, санкционная изоляция, искажение исторической роли и места в системе международных отношений, формирование в общественном сознании негативного образа конкретного государства и его лидеров).

Результатом проводимых целенаправленных воздействий становится подрыв совокупных возможностей государств-объектов, проявляющийся в нарушении социального порядка, ослаблении политической, военно-экономической мощи, социокультурной интеграции населения. Это ведет к снижению статуса и подрыву позиций этих стран на международной арене, обострению отношений с соседями и государствами-партнерами.

Как следствие, расширяется список государств, “добровольно” отказавшихся от своего суверенитета в пользу США и их союзников или потерявших его в результате прямого вмешательства в их внутреннюю политику, а также в случае военной интервенции под гуманитарно-правозащитными предлогами.

В этой связи особенную актуальность приобретает вопрос научного изучения, разработки методологии и методики прогнозирования “цветных революций”, несущих прямую угрозу безопасности современного российского общества.

Сегодня под “цветными революциями” чаще всего понимают серию массовых протестов широких социальных слоев населения, как правило, завершающихся сменой политического режима — как, например, в ряде стран Восточной Европы, на постсоветском пространстве, в Юго-Восточной Азии, Северной Африке — без применения военной силы. Однако вопрос о том, что же представляют собой “цветные революции”, остается в научном плане открытым.

Ряд отечественных ученых, явно или имплицитно исходящих из традиционного марксистско-ленинского определения социальной революции, акцентирующего внимание на смене классовой гегемонии и социальной глубине революции, утверждают, что “цветные революции” не являются собственно революциями, и квалифицируют их как государственные перевороты³.

Противоположного мнения придерживаются ученые, апеллирующие к современным определениям революции. Например, один из наиболее авторитетных американских (макро) социологов и спе-

³ См., напр.: *Ганич А.Э., Лушников Д.А.* Технологии “цветных революций”. М., 2010; *Карпович О.Г., Манойло А.В.* Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов: Монография. М., 2015; и др.

циалистов в области теории государственных распадов Дж. Голдстоун под революцией понимает “попытку преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемую формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть”⁴.

Анализ революционных событий, происходящих в различных регионах мира, позволяет легко обнаружить все элементы данного определения. Во всех странах, где произошли “цветные революции”, широкие массы были мобилизованы, а их действия сопровождались угрозой насилия или его элементами. Во многих странах была предпринята попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование легитимности политической власти. Идеологической установкой “цветных революций” выступил артикулированный демократический миф (Грузия, Украина, Молдавия) или смутное, но сильное стремление к справедливости и свободе (Киргизия, Тунис, Египет).

Хотя “цветные революции” не были социальными революциями в классическом понимании данного феномена⁵, когда их целью ставится создание нового типа общества в новых условиях с глубочайшими социально-экономическими преобразованиями после победы, они могут оцениваться как трансформации политические, разрешающие не совокупность, “клубок”, а лишь отдельные противоречия. Зарубежное участие в них — реальное или мнимое — нисколько не отрицает оценки этих событий как революций. Более того, в теории революций иностранное вмешательство традиционно считается одной из главных причин революции⁶. В начале XXI в. формы и методы такого вмешательства стали более изощренными и разнообразными: на смену вооруженного экспорта революции и грубого давления пришла “мягкая сила” — влияние через культуру, ценности, образ жизни, институциональные и информационные сети. При этом революционная активность населения конкретных стран чаще всего выступала не прямым, а побочным продуктом иностранного влияния.

⁴ Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 61.

⁵ Революция социальная — способ перехода от исторически изжившей себя общественно-экономической формации к более прогрессивной, коренной качественной переворот во всей социально-экономической структуре общества. Содержание понятия “социальная революция” классически раскрыто К. Марксом в Предисловии к “К критике политической экономии” (см.: URL: <http://bse.sci-lib.com/article095929.html> (дата обращения: 10.10.2016)).

⁶ Голдстоун Дж. Указ соч. С. 64–66.

Принято считать, что в странах, переживших “цветную революцию”, режим управляемой демократии замещается на публичную демократию. Как правило, в этих странах также происходит смена правящих элит.

Следует отметить, что использование социально-гуманитарных технологий в качестве инструмента борьбы между государствами насчитывает не одно тысячелетие. Однако именно в XX в. эти технологии были поставлены на твердую теоретическую основу и стали универсальными социально-политическими практиками борьбы с государствами-противниками. Произошел качественный переход от единичных стратегических операций специальных служб, планирование и проведение которых занимало многие десятилетия, к некоей “конвейерной” технологической процедуре свержения неудобных режимов, которая запускается социальными технологами в нужный момент времени при достаточно ограниченной предварительной подготовке социальной среды. Как отмечают исследователи, “все этапы революционной борьбы прошли в предельно сжатом, ускоренном режиме с использованием возможностей постиндустриального и информационного общества: создание сетевых оппозиционных структур, нейропрограммирование, манипуляция общественным сознанием посредством мировых СМИ”⁷.

Возможность организации и проведения “цветных революций” в обществах с различными социокультурными особенностями обусловлена тем обстоятельством, что в ходе развития современных информационно-коммуникативных технологий создана глобальная цифровая платформа, объединяющая разнообразные формы массового сетевого взаимодействия индивидов. На основе глобальной цифровой платформы получили повсеместное распространение информационные, когнитивные и социально-поведенческие технологии, которые позволили направленно формировать в задаваемом формате цели, ценности и устойчивые мотивы поведения — как больших социальных групп, так и отдельных личностей — в интересах заказчика и вне контроля со стороны суверенного государства⁸.

Важным отличием “цветных революций” от революций традиционных является искусственное управление объективно сложившимися протестными настроениями, которые технологическим путем могут регулироваться — усиливаться или приостанавливаться, “канализироваться” в нужную сторону и в определенный момент резко активизироваться. Применяемое в “цветных революциях”

⁷ Наумова А.Ю., Авдеев В.Е., Наумов А.О. “Цветные революции” на постсоветском пространстве. СПб., 2015. С. 11.

⁸ Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере “цветных революций”). М., 2016. С. 8–10.

организационное оружие всегда использует имеющиеся уязвимые места конкретной социальной системы⁹. Полностью управлять “в ручном режиме” столь сложными процессами, как социальные протесты, которым присущи черты стихийности и самоорганизации, невозможно. Поэтому для этих целей задействуют методы точечного воздействия, разрабатываемые в рамках синергетической парадигмы и теории сложности. В частности, одним из способов генерации протестных настроений является резкое “педалирование” той или иной болезненной для общества социальной проблемы. Таковой может быть коррупция, социальное расслоение, произвол властей или иная значимая социальная проблема, которая долгое время существовала, но вдруг получает резкую актуализацию в массовом сознании благодаря протестным действиям “цветных революционеров”¹⁰.

Таким образом, “цветную революцию” можно определить как социально-гуманитарную технологию демонтажа политического режима и смены властных элит, осуществляемую с преимущественным применением методов ненасильственного сопротивления разнородной коалиции протестных социальных сил внутри общества, интегрируемых посредством информационно-сетевых ресурсов.

Изучение научной литературы позволяет заключить, что прогноз “цветных революций” может основываться на социологическом анализе массива качественно-количественных данных, характеризующих уязвимость государств от внешнего воздействия, базирующегося на системном использовании и целенаправленном усилении факторов военно-политической, социально-экономической и социокультурной нестабильности и турбулентности в отдельных странах и регионах. В соответствии с этим оценку уязвимости стран мира целесообразно производить в пяти сферах функционирования социума: экономической, политической, социальной, культурной и военной безопасности. В каждой из перечисленных сфер необходимо выделить переменные, характеризующие стабильность функционирования социальных институтов того или иного общества.

В современном мире уровень уязвимости социума в **экономической сфере** может определяться состоянием устойчивости развития экономики страны, социально-экономической стабильностью общества, которые детерминируют уровень жизни населения и степень независимости экономики по отношению к возможным внешним и внутренним вызовам.

⁹ Кургинян С. Технологии вторжения // Завтра. 2007. № 24.

¹⁰ Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Указ. соч. С. 47.

О необходимости исследования экономических показателей общественного развития при оценке уязвимости государств свидетельствуют события в странах афро-азиатского мира, где распространение демократических ценностей и становление в них формально демократических режимов способствовали формированию в общественном сознании идейных доминант социальной справедливости. Вместе с тем высокий уровень коррупции, острое социальное расслоение спровоцировали появление протестных движений среди широких слоев общества и периферийной части политического истеблишмента, не получившей достаточного доступа к властным ресурсам общества.

Феномен “Арабской весны” наглядно показал, что перекосы в структуре экономики, снижение темпов роста в ряде стран Ближневосточного региона (Тунис, Египет) и ухудшение социальной обстановки на фоне растущего отставания от более успешных в хозяйственном отношении соседей по региону могут стать поводом для обострения внутривластной обстановки и привести к свержению правящих элит. Так, пример Египта свидетельствует, что постоянно усиливающаяся степень экономического и социального неравенства стала поводом для консолидации протестных настроений широких социальных слоев населения и последовавших антиправительственных действий, подчинила логике конфликтов и войны практически все сферы и отрасли жизнедеятельности в основных странах Магрика (Ирак, Сирия, Палестинская автономия, Ливан). Неспособность политической власти и элит общества поддерживать стабильность экономического роста, решать проблемы социально-экономического расслоения, гарантировать приемлемый уровень обеспечения важнейших потребностей населения создает объективные предпосылки социальной напряженности и конфликтности в обществе, усиления протестной активности граждан, утративших веру в справедливость распределения ресурсов и веру в свои социальные перспективы.

Подобного рода социально-экономические процессы происходили и на постсоветском пространстве – в Грузии (2003) и в Киргизии (2005), где резкое ухудшение социально-экономического положения населения стало одной из важнейших причин произошедших там “революции роз” и “тюльпанной революции”.

Если говорить об украинском кризисе (2013–2014), то среднедушевой доход населения, начиная с 2010 г., в пять–шесть раз отставал от аналогичного показателя развитых стран и являлся одним из самых низких в Европе¹¹.

¹¹ См.: *Курьлев К.П.* Украинский кризис 2013–2014 гг. и “арабская весна” 2011 г.: сходство и различие // Вестник РУДН. Серия Международные отношения. 2014. № 4. С. 29–30.

В социальной сфере социологический анализ уровня уязвимости государств должен основываться на оценках эффективности социально-демографической политики и системы здравоохранения. Он характеризует актуальность угроз безопасности государства с точки зрения социальной защищенности, процессов воспроизводства населения, сохранения и повышения уровня его здоровья.

Относительно уязвимости стран мира в социальной сфере следует сказать, что одна из главных угроз для государств здесь содержится в результатах неграмотной социальной политики, способных повлечь за собой депопуляцию народонаселения и последующее сокращение людских ресурсов – репродуктивных, трудовых, мобилизационных, образовательных и т.п.

Сравнительный анализ процесса развития “цветных революций” на постсоветском пространстве позволяет заключить, что существующие проблемы социального обеспечения (высокая дифференциация доступа к образованию, бедственное положение пенсионеров, проблемы трудоустройства населения и в особенности молодежи, растущая смертность и распространенность потенциально смертоносных эпидемий) эффективно использовались для накапливания революционного потенциала. Так, “цветные революции” в Грузии (2003) и на Украине (2004) стали возможными в результате эффективного управления энергией массового недовольства социальной политикой и применением его как тарана для смены типа государственности в интересах установления контроля над властными элитами этих стран.

Уровень уязвимости общества в **политической сфере** определяется способностью его политических институтов и элит эффективно решать проблемы суверенитета страны, проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику. В свою очередь политическая безопасность государства зависит от легитимности политического режима, уровня доверия граждан к институтам государственной власти, качества функционирования правоприменительного механизма, степени коррумпированности органов власти, открытости и прозрачности деятельности институтов, обеспечивающих реализацию прав и свобод граждан.

Анализ социально-гуманитарных технологий смены политической власти в различных странах показывает, что наряду с существующими социально-экономическими проблемами в обществе ведущую роль играет политическая мотивация протестных действий населения. Во многих случаях именно неустойчивость политических режимов и резкое снижение уровня доверия населения к политической элите общества приводили к массовым выступлениям и различным формам гражданского неповиновения. Причинами

протестной активности граждан становились неэффективностью власти в реализации государственного управления, неспособность решать базовые социально-экономические проблемы населения, регулировать отношения между группами властных элит. Такое положение дел может использоваться и инициироваться внешне-политическими силами в интересах реализации своих геополитических целей. Их основная роль в данном контексте заключается в подготовке и использовании оппозиционных сил, расшатывающих внутривластную ситуацию и инициирующих открытые социально-политические конфликты в обществе.

В данном контексте “цветные революции” успешно реализовывались в тех странах, где властные элиты предоставляли столько политических свобод, сколько было достаточно для получения минимального уровня доверия граждан, при котором сохранялась легитимность правящего режима. Обычно это означало проведение регулярных выборов и разрешение на создание нескольких оппозиционных партий и социальных движений, терпимость в отношении небольшого количества независимых СМИ.

По сути, эти режимы закладывали системное противоречие, которое подрывало их стабильность. Так, при поддержке американских и ряда западных неправительственных и некоммерческих организаций¹² общественные организации нарастили способность требовать прозрачных выборов и соблюдения основных гражданских прав, защищать интересы маловлиятельных групп (например, студентов), чей интерес не принимался во внимание правящей элитой. Подобного рода “гуманитарные” организации помогли политическим партиям, прежде всего, оппозиционно настроенным, стать более эффективными игроками в избирательных кампаниях, особенно когда авторитарные лидеры прибегали к электоральным уловкам для продления своего правления. Фактически “цветные революции” стали следствием сложившихся социально-политических противоречий в странах с (полу) авторитарными политическими режимами, неспособными к воспроизводству в условиях усилившейся электоральной транспарентности, гражданского активизма и политической конкуренции.

Кроме того, полное отсутствие или слабость гарантий прав и свобод граждан, расширительное, зачастую легально неоформленное

¹² Например: Национальный фонд поддержки демократии (The National Endowment for Democracy), германский Фонд Фридриха Науманна (Friedrich Naumann Stiftung für die Freiheit); аналитические центры — Брукингский институт (Brookings Institution), британский Международный институт стратегических исследований (International Institute for Strategic Studies), государственные внешне-политические учреждения — Государственный департамент США (United States Department of State), Агентство США по международному развитию (USAID).

применение правоохранительными органами различных методов “социального контроля” позволили актуализировать феномен протестных действий широких социальных слоев населения этих стран.

Уязвимость государства в **культурной сфере** обусловлена качеством функционирования институтов социализации граждан, воспитания, образования, религии и выражается в способности того или иного социума обеспечить свое устойчивое духовное развитие (нравственное, интеллектуальное, эстетическое), сохранять и приумножать культурное наследие, следовать историческим традициям и социальным нормам общественной жизни.

Следует обратить внимание, что в мире уже давно возникло понимание возможности эффективного использования религиозно-культурного фактора в качестве действенного инструмента идеологического воздействия на широкие социальные слои и дезинтеграции того или иного общества. Так, в основе гражданских войн в Ливии и Сирии во многом лежали национально-религиозные противоречия. Фактор радикальных исламистских группировок оказал существенное воздействие на события “Арабской весны”. Члены подобных группировок были активными участниками и зачинщиками массовых акций, а также выступали в качестве радикальной оппозиции власти (в том числе блокирующей возможность переговоров и достижения компромисса). После падения режимов в Тунисе, Египте и Ливии исламистские движения получили доступ к власти и более широкие возможности для продвижения своих установок; та же тенденция, хотя и в меньшей степени, проявилась и в иных странах арабского мира.

Общепризнанно, что “спусковым крючком” “Арабской весны” послужила “жасминовая революция” в Тунисе, подстегнувшая выступления в других странах региона и ставшая для них своеобразным шаблоном. Тунисская и египетская революции — это не два разных социальных явления, это звенья одной социально-технологической цепи, разработанной извне¹³. Связь всех событий в арабском мире, ориентация на братьев по вере стали легитимационной основой для массовых протестных действий в каждой следующей стране.

Важным аспектом использования социокультурного фактора в современных технологиях деструкции государственной системы является навязывание жителям арабских стран, особенно молодежи, западных потребительских стандартов. Появившаяся благодаря

¹³ Тунисский экс-министр по делам молодежи и спорта Слим Амамоу, характеризуя события в Тунисе и Египте, говорил: “...это одна революция. Один мир, одна революция”. Цит. по: *Filiu J.-P.* The Arab revolution: ten lessons from the democratic uprising. Oxford, 2011. P. 13.

развитию СМИ, и прежде всего интернета, возможность сравнивать свое социальное положение с положением граждан наиболее преуспевающих стран сыграла значимую роль в нарастании социального недовольства и протестных выступлений.

Немалую роль для организации “цветных революций” играло использование социальных компьютерных сетей (social networks) – инструмента воздействия на массовое сознание и изменения картины мира отдельных личностей и социальных групп. Не случайно революции, прошедшие в 2011 г. в странах Ближнего Востока и Северной Африки, окрестили “твиттерными” из-за исключительно важной роли социальных сетей в механизме развития и управления ходом данных революций.

Другим примером задействования культурных особенностей социума при организации “цветных революций” стали события на Украине, где одним из основных объектов нападков при проведении государственного переворота явился русский язык и православные религиозные организации Московского патриархата. В данной стране происходит последовательное переформатирование социокультурных матриц сознания граждан посредством вытеснения русского языка из сферы общения, образования, науки, культуры и государственного управления. Это в свою очередь позволяет организаторам государственного переворота целенаправленно формировать необходимые ценностно-ориентированные позиции широких социальных слоев украинского общества в отношении тех или иных политических процессов и явлений, политического курса Украины, реализуемой им внешней и внутренней политики.

Вторым средством давления на сознание граждан данной страны является духовность украинского народа, которая выражается в религиозной сфере. Конфессиональной дискриминации подвергаются не только сельские приходы, но и крупные объекты историко-культурного наследия Руси, крупнейшие центры русского православия¹⁴.

Таким образом, воздействие на духовную жизнь социума, его важнейшие мировоззренческие ценности широко используется в практике организации и проведения “цветных революций”.

В сфере **военной безопасности** социологический анализ уровня уязвимости государства должен осуществляться на основе таких переменных, как состояние военной мощи государства, эффективность деятельности властных структур по охране общественного правопорядка и законности.

¹⁴ Овсянникова О.А. Технологии переформатирования общественного сознания посредством языковой и конфессиональной дискриминации (на примере Украины) // Геополитический журнал. 2016. № 1 (13). С. 112–113.

В данной сфере подрывные действия могут быть направлены на разложение институтов обеспечения военной безопасности — деградацию вооруженных сил и военно-промышленного комплекса, органов безопасности и охраны правопорядка. В этих целях осуществляется экономическое и политическое давление на органы, обеспечивающие политическую безопасность общества, их управленческий аппарат, информационно-психологическое воздействие на силовые институты государства с целью внесения раскола в их действия и деморализации сотрудников. В результате подрывается доверие общества к силовым структурам государства, что ведет к снижению военной безопасности социума, возникает возможность перехода этих институтов под контроль оппозиционных сил.

Практика показывает, что стремление лишить действующую власть политической поддержки со стороны армии, органов политической безопасности, полиции, государственного аппарата является ключевым элементом технологий “цветных революций”, осуществляемых странами Запада и, в частности, США.

Как отмечают авторы исследования феномена “цветных революций” на постсоветском пространстве, позиционирование протестных акций как “ненасильственных” используется с целью скоординирования действий силовых структур: «различные общественные организации и СМИ активно способствовали внедрению идеи о “недопустимости насилия” со стороны правоохранительных органов и силовых структур по отношению к безоружным демонстрантам или митингующим, чем фактически лишали действующую власть рычагов влияния»¹⁵.

Важно заметить, что силовые структуры большинства стран, как правило, не монолитны, их взаимодействие в сложных политических ситуациях может носить противоречивый характер. В эту систему взаимодействия входят военнослужащие, центральная и местная полиция, спецслужбы, включая секретную полицию и структуры безопасности, а также гражданские (негосударственные) военизированные подразделения (например, “народная милиция”, “корпус стражей революции” и проч.). Между тем, интересы военных (силовых), политических и экономических элит в различных условиях могут как совпадать, так и существенно различаться. В первом случае военные и гражданские лидеры страны действуют против протестующих единым фронтом, что увеличивает шансы на успех (например, события в 1989 г. на площади Тяньаньмэнь); во втором — раскол политических элит и нерешительность руководства силовых структур могут усилить оппозицию и даже привести

¹⁵ Наумова А.Ю., Авдеев В.Е., Наумов А.О. Указ. соч. С. 11.

к смене власти, как это случилось в Египте в 2011 г., где военные, чтобы сохранить свои привилегии, пошли на сделку с протестующими и способствовали свержению режима Х. Мубарака.

Таким образом, в основе всего многообразия современных “цветных революций” лежит системный социокультурный анализ существующих противоречий, целенаправленное воздействие и использование в своих интересах внешнеполитическими акторами уязвимых мест функционирования ключевых сфер конкретного общества.

Можно утверждать, что разработка США и их союзниками по НАТО технологий “цветных революций”, их тестирование в различных регионах мира содержат прямую угрозу национальной безопасности Российской Федерации. В этих условиях особую актуальность представляет системный научно-теоретический анализ уязвимости современных социетальных систем с учетом широкого спектра их экономических, политических и социокультурных особенностей развития.

Такие исследования позволят создать валидную модель социальных показателей и индикаторов ее эмпирической оценки, с высокой точностью давать прогнозные оценки вероятности “цветных революций” в различных модификациях социума, своевременно принимать необходимые социально-управленческие решения для обеспечения безопасности российского общества.

Современная социологическая наука обладает теоретическими и методическими инструментами для того, чтобы получать достоверные знания о социальных причинах, динамике, последствиях и технологиях осуществления “цветных революций” в современном социуме и оценить социальные риски их проведения в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурматов В.В., Глазунов О.Н. Современные революционные технологии. Стратегия, технология и тактика “цветных революций”. М., 2011.

Бышок С.О., Кочетков А.В. Евромайдан им. Степана Бандеры. От демократии к диктатуре. М., 2014.

Васильев А.М., Петров Н.И. Рецепты “Арабской весны”: русская версия. М., 2012.

Гапич А.Э., Лушников Д.А. Технологии “цветных революций”. М., 2010.

Герасимов В.В. О роли военной силы в современных конфликтах // Мат-лы III Московской конференции по международной безопасности / Под ред. А.И. Антонова. М., 2014.

Глазунов О.Н. Государственный переворот. Стратегия и технологии. М., 2006.

Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5.

- Гоним В.* Революция 2.0: Документальный роман. СПб., 2012.
- Кара-Мурза С.Г.* Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили. М., 2005.
- Кара-Мурза С.Г., Телегин С.А., Александров А.А., Мурашкин М.А.* На пороге “оранжевой” революции. М., 2005.
- Карпович О.Г., Манойло А.В.* Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов: Монография. М., 2015.
- Князев А.А.* Государственный переворот 25 марта 2005 г. в Киргизии. Бишкек, 2007.
- Колобов О.А., Шульц Э.Э.* “Арабская весна”: технологии бунта // *Полития*. 2014. № 1 (72).
- Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка).* М., 2015.
- Кургиян С.Е.* Технологии вторжения // *Завтра*. 2007. № 24.
- Курьлев К.П.* Украинский кризис 2013–2014 гг. и “Арабская весна” 2011 г.: сходство и различие // *Вестник РУДН. Серия Международные отношения*. 2014. № 4.
- Люттвак Э.Н.* Государственный переворот: практическое пособие. М., 2012.
- Максимов И.В.* “Цветная революция” – социальный процесс или сетевая технология? Монография. М., 2010.
- Мамедов А.К., Якушина О.И.* Теоретические подходы к пониманию идентичности в современной социологической науке // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2015. № 1.
- Най Дж.* “Мягкая сила” и американо-европейские отношения // *Свободная мысль-XXI*. 2004. № 10.
- Наумова А.Ю., Авдеев В.Е., Наумов А.О.* “Цветные революции” на постсоветском пространстве. СПб., 2015.
- Овсянникова О.А.* Технологии переформатирования общественного сознания посредством языковой и конфессиональной дискриминации (на примере Украины) // *Геополитический журнал*. 2016. № 1 (13).
- Осеев А.А.* Социальное неравенство как фактор социальной напряженности в российском обществе // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2014. № 2.
- Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке /* Под ред. С. Кургияна. М., 2011.
- Пономарева Е.Г.* Секреты “цветных революций” // *Свободная мысль*. 2012. № 1/2, 3/4, 5/6.
- Почепцов Г.Г.* Революция.com. Основы протестной инженерии. М., 2005.
- Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя /* Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011.
- Революция как концепт и событие: Монография /* Под ред. А.А. Вартумян, С.Г. Ильинской, М.М. Федоровой. М., 2015.
- Родькин П.Е.* Революция потеряла цвет. “Цветные революции” 2004–2014: гуманитарный и коммуникационный феномен войны нового типа. М., 2015.
- Сорокин П.А.* Социология революции. М., 2005.

Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М., 2003.

Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере “цветных революций”). М., 2016.

Шарп Дж. От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения. М., 2005.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

Яницкий О.Н. Социология критических состояний общества: теоретические и методические проблемы // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4 (8).

REFERENCES

Burmatov V.V., Glazunov O.N. Sovremennye revoljucionnye tehnologii. Strategija, tehnologija i taktika “cvetnyh revoljucij”. М., 2011.

Byshok S.O., Kochetkov A.V. Evromajdan im. Stepana Bandery. Ot demokratorii k diktature. М., 2014.

Filiu J.P. The Arab revolution: ten lessons from the democratic uprising. Oxford, 2011.

Gapich A.Je., Lushnikov D.A. Tehnologii “cvetnyh revoljucij”. М., 2010.

Gerasimov V.V. O roli voennoj sily v sovremennyh konfliktah // Mat-ly III Moskovskoj konferencii po mezhdunarodnoj bezopasnosti / Pod red. A.I. Antonova. М., 2014.

Glazunov O.N. Gosudarstvennyj perevorot. Strategija i tehnologii. М., 2006.

Goldstoun Dzh. K teorii revoljucii chetvertogo pokolenija // Logos. 2006. N 5.

Gonim V. Revoljucija 2.0: Dokumental’nyj roman. SPb., 2012.

<http://bse.sci-lib.com/article095929.html>

Janickij O.N. Sociologija kriticheskikh sostojanij obshhestva: teoreticheskie i metodicheskie problemy // Sociologicheskaja nauka i social’naja praktika. 2014. N 4 (8).

Jeizenshtadt Sh. Revoljucija i preobrazovanie obshhestv. Sravnitel’noe izuczenie civilizacij. М., 1999.

Kara-Murza S.G. Jeksport revoljucii. Jushhenko, Saakashvili. М., 2005.

Kara-Murza S.G., Telegin S.A., Aleksandrov A.A., Murashkin M.A. Na poroge “oranzhevoj” revoljucii. М., 2005.

Karpovich O.G., Manojlo A.V. Cvetnye revoljucii. Teorija i praktika demon-tazha sovremennyh politicheskikh rezhimov: monografija. М., 2015.

Knjazev A.A. Gosudarstvennyj perevorot 25 marta 2005 g. v Kirgizii. Bishkek, 2007.

Kolobov O.A., Shul’c Je.Je. “Arabskaja vesna”: tehnologii bunta // “Politija”. 2014. N 1 (72).

Konflikty i vojny XXI veka (Blizhnij Vostok i Severnaja Afrika). М., 2015.

Kurginjan S.E. Tehnologii vtorzhenija // Zavtra. 2007. N 24.

Kurylev K.P. Ukrainskij krizis 2013-2014 gg. i “Arabskaja vesna” 2011 g.: shodstvo i razlichie // Vestnik RUDN. Serija Mezhdunarodnye otnoshenija. 2014. N 4.

Ljuttvak Je.N. Gosudarstvennyj perevorot: prakticheskoe posobie. М., 2012.

Maksimov I.V. “Cvetnaja revoljucija” – social’nyj process ili setevaja tehnologija? Monografija. M., 2010.

Mamedov A.K., Jakushina O.I. Teoreticheskie podhody k ponimaniju identichnosti v sovremennoj sociologicheskoj nauke // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologija i politologija. 2015. N 1.

Naj Dzh. “Mjagkaja sila” i amerikano-evropejskie otnoshenija // Svobodnaja mysl’-XXI. 2004. N 10.

Naumova A.Ju., Avdeev V.E., Naumov A.O. “Cvetnye revoljucii” na post-sovetskom prostranstve. SPb., 2015.

Oseev A.A. Social’noe neravenstvo kak faktor social’noj naprjazhennosti v rossijskom obshhestve // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologija i politologija. 2014. N 2.

Ovsjannikova O.A. Tehnologii pereformatirovanija obshhestvennogo soznanija posredstvom jazykovej i konfessional’noj diskriminacii (na primere Ukrainy) // Geopoliticheskij zhurnal. 2016. N 1 (13).

Politicheskoe cunami. Analitika sobytij v Severnoj Afrike i na Blizhnem Vostoke / Pod red. S. Kurginjana. M., 2011.

Ponomareva E.G. Sekrety “cvetnyh revoljucij” // Svobodnaja mysl’. 2012. N 1/2, 3/4, 5/6.

Pochepcov G.G. Revoljucija.com. Osnovy protestnoj inzhenerii. M., 2005.

Revoljucii i reformy v stranah Central’noj i Jugo-Vostochnoj Evropy: 20 let spustja / Otv. red. K.V. Nikiforov. M., 2011.

Revoljucija kak koncept i sobytie: monografija / Pod red. A.A. Vartumjan, S.G. Il’inskoj, M.M. Fedorovoj. M., 2015.

Rod’kin P.E. Revoljucija poterjala cvet. “Cvetnye revoljucii” 2004–2014: gumanitarnyj i kommunikacionnyj fenomen vojny novogo tipa. M., 2015.

Sharp Dzh. Ot diktatury k demokratii: strategija i taktika osvobozhdenija. M., 2005

Sociologicheskaja jenciklopedija: V 2 t. T. 1. M., 2003.

Sorokin P.A. Sociologija revoljucii. M., 2005.

Sundiev I.Ju., Smirnov A.A. Teorija i tehnologii social’noj destrukcii (na primere “cvetnyh revoljucij”). M., 2016.

Vasil’ev A.M., Petrov N.I. Recepty “Arabskoj vesny”: Russkaja versija. M., 2012.